

НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ ПО ПОВОДУ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ "ТОЛКОВО-КОМБИНАТОРНОГО СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА"

Настоящие заметки не претендуют на статус полноценной рецензии. Отдать должное столь огромному труду - подготовка предлагаемого "Толково-комбинаторного словаря современного русского языка" (ТКС) потребовала 10 лет, участвовало в ней ок. 20 человек - автору не по плечу, тем более, что имеем дело со словарем, который по объему и степени систематизации данных, включенных в отдельные статьи, является единственным в своем роде. Прежде чем определить сущность наших соображений, не излишне будет указать на одно обстоятельство, весьма затрудняющее задачу любого рецензента: словарные статьи, входящие в настоящий фрагмент ТКС, публикуются не впервые. Большинство из них напечатано уже в 1970-1976 годах в виде отдельных препринтов, подготовленных Проблемной группой по экспериментальной и прикладной лингвистике при Институте Русского Языка АН СССР, но ввиду небольшого тиража (150 экземпляров!) курсировали в СССР и за рубежом лишь среди узкого круга русистов, посвященных в секреты современной структурной лингвистики. При оценке настоящего издания (*Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 14, Wien 1984, ²1986) нельзя упускать из виду, что, как узнаем из предисловия, "ТКС печатается в основном в том виде, который он имел в 1976 году" (с. 37). Свой отказ от каких-либо серьезных изменений И. А. Мельчук объясняет тем, что ему пришлось единолично отредактировать данную версию, чтобы не оттягивать и так уже запаздывающее появление словаря.

На наш взгляд, повторное опубликование этих материалов даже в непереработанном виде вполне оправдано, ибо оно впервые дает широкой публике возможность ознакомиться со словарем, до сих пор непревзойденным по охвату комбинаторных свойств рассматриваемых единиц. Но в чем состоит тогда задача рецензента? По-видимому, он должен в первую очередь выяснить, в каких отношениях ТКС отстает от актуального этапа лексикографических исследований его авторов и какие из новейших модификаций теории следует в него внести. Во-вторых, как будет показано ниже, небезынтересно и сопоставление словаря с теоретическими работами его авторов, относящимися к периоду публикации первых словарных статей, т.е. к 1970-1976 годам: в

последних (а тем самым и в ТКС) не всегда достаточно точно отражаются теоретические выводы и результаты тех лет. Меньший же интерес представляет критика "извне", т.е. сопоставление подхода И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна и А. К. Жолковского с другими лексико-графическими концепциями, поскольку было бы несправедливо оценивать словарь, в основном законченный в 1976 году, с перспективы господствующих направлений семантики 80-х годов, а его сравнение с современными ему работами входит скорее в обязанности историка лингвистики. Таким образом, цель наших соображений сводится к обсуждению некоторых неясностей, непоследовательностей и - реже - противоречий, проявляющихся в применении тех теоретических принципов, которые лежат в основе разработки ТКС. Самых этих принципов мы, однако, не будем ставить под сомнение, ограничиваясь тем самым критикой "изнутри".

Сказанное исключает, в частности, возможность сопоставления толкований, предлагаемых авторами ТКС для так наз. **конкретной лексики**, с результатами исследований по ставшей в последние годы фешенебельной когнитивной семантике. Изучая принципы естественной категоризации, основоположники этой теории - они представляют такие различные области науки как этнология (Berlin), психология (Rosch), философия (Kripke, Putnam) и лингвистика (Fillmore, Lakoff, Longacre, Wierzbicka) - строят свои семантические описания на основе психологических критериев (в частности, апперцепционных свойств описываемого объекта, его практической пригодности для человеческих потребностей и т. п.), пользуясь эмпирическими данными такими как: реакции информантов на просьбу назвать пока-зываемый объект (напр. птица, дерево, сосуд) или оценить его типичность, последовательность приобретения ребенком различных понятий и т.п.

Хотя полученные таким путем выводы имеют для семантических исследований столь решающее значение, что уже сегодня можно говорить о смене научной парадигмы (в смысле Т. Куна), мы здесь не будем подробно на них останавливаться, поскольку разработка этого подхода относится к периоду, когда основная работа над ТКС была уже завершена¹.

Ограничимся лишь указанием на одно свойство естественных категорий, которое, как нам представляется, следует принимать во внимание при описании конкретной лексики: такие категории организованы весьма часто по принципу семейного сходства, в свое время рассматриваемому Витгенштейном, т.е. не удастся обнаружить общий признак, присущий всем представителям данной категории. Это явно

противоречит той точке зрения, которой придерживаются создатели ТКС: "Толкуемое слово и толкование должны быть тождественны по смыслу. Это значит, что все элементы толкования должны быть необходимыми и достаточными"². Именно с этим убеждением, в 70-ые годы еще преобладавшим среди исследователей семантики, поклонники когнитивного подхода ведут острую борьбу³. По их мнению, естественные категории в нашем сознании непосредственно соотносены с определенными представителями (так наз. прототипами), которые отличаются максимальным набором общих черт, связывающих их с остальными представителями той же категории, и минимальным набором черт, связывающих их с членами соседних категорий. Так, исследования Е. Рош показали, что напр. курица или пингвин расцениваются как менее типичные птицы, чем, скажем, воробей или орел, но не утрачивают свою "птичность", т.е. не попадают в какую-либо переходную зону между птицей и не-птицей. Из всего этого следует, что в сфере конкретной лексики словарное толкование таких единиц призвано прежде всего охватить те признаки, которые свойственны прототипам, между тем как признаки, встречающиеся у других видов данного рода, должны трактоваться как второстепенные. Таким образом получается иерархия различных смыслов, входящих в одну толкование.

Следует отметить, что описанный подход авторам ТКС не совсем чужд, поскольку на практике они допускают иногда отклонения от вышеупомянутого требования необходимых и достаточных критериев. Так, в толкованиях таких лексем как *лыжи 1а*, *ветер* или *брак*¹ выявляется весьма примечательный компонент "обычно", который вряд ли удовлетворяет данному требованию. С другой стороны, примеры конкретной лексики в ТКС подобраны таким образом, что теория прототипов к ним не всегда применима; из зоонимов, напр., разбирается лишь *свинья 1а*, т.е. название животного, проявляющего лишь минимальную разнообразность (разве цвета шкуры? - об этом в толковании ничего не говорится). Разумеется, более показательны были бы в этом отношении определения высших по таксономическому рангу категорий, таких как *птица*, *животное* или *рыба*, но они в ТКС не представлены. В проанализированной в ТКС конкретной лексике надежными кандидатами для разбора в духе когнитивного подхода могут оказаться такие единицы как *сосуд*, *окно 1. 1а* или даже *виселица* (последняя будет отдельно рассмотрена ниже).

Необходимо подчеркнуть, что учет теории естественных категорий, включая теорию прототипов, для будущих лексикографических описаний в рамках ТКС особенно желателен, поскольку эти описания, как неоднократно отмечалось самими авторами, должны представить

семантический мир с "наивной"⁴, ненаучной точки зрения среднего носителя языка. Такую же цель преследуют и поклонники когнитивной семантики, но поступают они в этом отношении более последовательно. Кроме того, нельзя упускать из виду, что ТКС содержит также сведения противоположного характера: в некоторых словарных статьях особое место уделяется энциклопедическим информациям о данном предмете, его функционировании, разновидностях и т. п. Интересно было бы узнать, как будет выглядеть словарная статья для такой лексемы как *животное*, где пропасть между наивными и научными представлениями (и тем самым между толкованием и энциклопедическими информациями) особенно разительна.

После этих предварительных соображений перейдем к разбору настоящего фрагмента ТКС. Порядок изложения таков: сначала коснемся вопроса подбора анализируемых лексем, затем остановимся на трактовке полисемии, т.е. на группировании разных лексем одной вокабулы, чтобы в конце приступить к рассмотрению отдельных словарных зон - на эту часть анализа делается главный упор. Поскольку принципы строения словарных статей и применяемый понятийный аппарат были описаны уже неоднократно самими авторами, для целей данной статьи они предполагаются известными; добавим лишь, что объяснения, данные И.А. Мельчуком в Введении к ТКС (с. 69-94), как подчеркивает сам автор, не всегда достаточны для полного понимания всех понятийных тонкостей, так что иногда (напр. при определении лексической функции *Genet* или при мотивировке выбора коннотаций данной лексемы) приходится прибегнуть к таким работам, как Мельчук (1974), или к позднейшей специальной литературе.

Если в Введении говорится, что для ТКС "намеренно выбраны слова самых разных типов, представляющие, по возможности, все слои лексики и могущие встретиться в любых текстах" (с. 75), то это утверждение, оказывается, нельзя принять безоговорочно. Среди более чем 250 вокабул, входящих в данный фрагмент ТКС, напр. полностью отсутствуют так наз. синсемантические слова; тем самым не представлены целые части речи (предлоги, союзы, частицы)⁵.

Из местоимений в словарь включены лишь *вы* и *ты*, т.е. не анализируются слова, способные к образованию анафорических или катафорических связей или к выполнению дейктической функции. Это тем более достойно сожаления, что эти лексические разряды безусловно предъявляют к семантическому описанию методологические требования особого рода. Далее, в качестве объектов описания весьма редко выступают наречия; скудно представлены также

качественные прилагательные (они все имеют производный характер, ср. *дружный, опытный, надежный* и т. п., что, видимо, связано со стремлением авторов обработать по возможности целые семантические группы слов). С другой стороны, разнообразие словника настоящего фрагмента ТКС повышается за счет включения самых различных типов фразем.

Итак, следует в первую очередь констатировать отсутствие не-полнозначной лексики. Чем вызвано это ограничение словника на данном этапе исследований, не совсем ясно; возможно, не последнюю роль сыграла здесь небогатая или совсем не существующая модель управления и ограниченный состав лексических функций, характерные для неполнозначных лексем.

Проблема многозначности лексических единиц достаточно подробно освещалась в кн. Апресян (1974, особенно во главе 3). Структура отдельных вокабул в ТКС несомненно многим обязана этому описанию. Особого внимания заслуживает здесь тщательное отображение тончайших различий в значении посредством отдельных словарных статей, помеченных римскими и арабскими цифрами и строчными буквами.

Система упорядочения лексем объясняется в введении (с. 78). Наблюдаются, однако, случаи, где данный порядок не отвечает ни одному из сформулированных там принципов. В качестве примера приведем глагол *бояться*. Первое его значение (= *бояться I.1.*) определяется следующим образом: "только 1 ед наст. (Я) боюсь, что У = говорящий Х считает², что высоковероятно осуществление события У, нежелательного для Х-а или для слушающего". Из этого толкования, а в частности из предыдущей грамматической пометы вытекает, что имеется в виду квазиперформативное употребление этого глагола, представленное одной единственной формой из целой морфологической парадигмы. Сопоставим с этим второе значение *бояться I.2a*: *Х боится, что У = Х находится в пассивно-отрицательном эмоциональном состоянии, каузированном тем, что Х считает², что высоковероятно осуществление события У, нежелательного для Х-а, и что Х не способен противодействовать У-у; и Х-у хочется поступить так, чтобы избежать У-а". Ни один из принципов, названных в введении (логическое включение одного значения в другое, конкретность, современность, частотность), не может служить опорой для такого упорядочения лексем. Кроме того, *бояться I.1.* является в силу своего морфологического ограничения явно производным, вторичным вариантом, на что указывают также редуцированная модель управления*

и отсутствие лексических функций⁶. Добавим еще неспособность этого варианта к сочетанию с отрицанием, ср. *"*Вы, я не боюсь, ошиблись адресом"*⁷. Все это свидетельствует о том, что данное значение должно занимать внутри рубрики *бояться I* не первое, а скорее последнее место.

Независимо от его места внутри вокабулы, приведенное толкование *бояться I.1* вызывает еще сомнение другого характера: стоит подумать о том, не было ли бы целесообразно заменить предлагаемую формулировку "событие У, желательное для Х-а (= говорящего) или для слушающего" на упрощенный вариант "событие У, в котором Х заинтересован", тем самым сводя описание двух альтернативных ситуаций к описанию одной. В пользу такого решения говорит факт, что исходным смыслом является, видимо, нежелательность события для Х-а, о которой и говорится в толковании основного значения *бояться I.2a*. В примерах типа *"Боюсь, вы будете разочарованы"*, где интересы говорящего не затронуты непосредственно, наблюдается перенос чужих интересов, т.е. говорящий присваивает себе желания слушающего⁸. (О роли альтернативных ситуаций в рамках одного толкования см. ниже, где будет рассматриваться глагол *надеяться 2a*.)

Перейдем к анализу третьего значения, т.е. *бояться I.2b : X боится У-а = X боится I.2a*, что с Х-ом произойдет событие, имплицитируемое У-ом". Ссылка на предыдущее значение *I.2a* указывает на логическое включение. Спрашивается, однако, как именно происходит это включение? Следует ли полагать, что "включенный" смысл *2a* входит целиком в толкование "включающего" смысла *2b*? Тогда, видимо, необходимо сначала определить место, куда должно примыкать указание на имплицитируемое У-ом событие. Попробуем: оставим целое толкование *2a* до точки с запятой неизменным и прибавим "и что с Х-ом произойдет событие, имплицитируемое У-ом", после чего следует "и Х-у хочется поступить так, чтобы избежать У-а". Способно ли полученное таким образом определение передать значение глагола *бояться* в таких предложениях как: *"Я боюсь идти к зубному врачу / ходить по этому переулку / его бить / говорить о дамах"*⁹ и т. п.? Довольно очевидно, что здесь по крайней мере один компонент из *2a* неуместен: употребление инфинитива несовершенного вида после глагола *бояться* предполагает, что данное действие контролируется своим производителем; следовательно, нарушено условие "Х считает, что Х не способен противодействовать У-у". То же самое соображение заставляет нас модифицировать компонент "Х считает, что высоковероятно осуществление события У": поскольку У зависит от воли Х-а, не имеет смысла говорить об оценке Х-ом его вероятности; такой оценке подвергается скорее то событие, которое имплицитируется У-ом

(назовем его Z-ом). И наконец, компоненты "нежелательность" и "желание избежать" тоже должны содержать указание не на У, а на Z. Таким образом, мы вынуждены перестроить толкование I.2a. так, чтобы в нужных местах выступила переменная Z вместо У. Результирующее из этого толкование I.2b тогда принимает следующий вид: "X находится в пассивно-отрицательном эмоциональном состоянии, каузируемом тем, что X считает², что высоковероятно то, что событие У вызовет событие Z, нежелательное для X-а, и что X не способен противодействовать Z-у; и X-у хочется поступить так, чтобы избежать Z-а". Как видно, степень вероятности события У-а здесь не определяется более детально; информацию о том, что при сочетании с инфинитивом несовершенного вида У зависит от X-а, можно бы поместить в ту часть словарной статьи, которая предназначена для указания ограничений к модели управления (см. ниже). Если приведенное толкование соответствует намерениям авторов ТКС, то следовало бы его эксплицитно сформулировать или по крайней мере предоставить читателю какое-нибудь указание, каким преобразованиями нужно подвергнуть толкование "включенного" смысла, чтобы получить искомое новое значение; как видно, простая ссылка вроде "X боится I.2a, что..." вряд ли пригодна для этой цели.

Было бы также целесообразно сопоставить данные толкования *бояться* I.2a и I.2b с анализом того же глагола, проведенном в статье Зализняк (1983). Главная мысль этой работы - она инспирирована известным анализом англ. глаголов *accuse* и *criticize*, предложенным в свое время Филмором - заключается в том, что два основных значения *бояться* различаются лишь распределением ассертивной и пресуппозиционной частей: при *бояться*₁ утверждается нежелательность данного события и предполагается его осуществление, при *бояться*₂ же картина противоположна¹⁰. Легко видеть, что эта концепция не совпадает с тем распределением смыслов, которое лежит в основе различения *бояться* I.2a и I.2b в ТКС. Сопоставление описанных двух подходов представляет тем больший интерес, что А. Зализняк исходит в своей работе из прежней, опубликованной в 1970 году версии толкования вокабулы *бояться* того же автора (Л.И. Иорданской), которому принадлежит и разработка соответствующих словарных статей в настоящем фрагменте ТКС. Сравнение этих двух концепции, однако, выходит за рамки данной статьи. Поэтому удовлетворимся здесь указанием на то, что в толкованиях ТКС не отмечается распределение ассертивной и пресуппозиционной частей, о чем будет подробно говориться ниже. Для справедливости напомним, однако, что уже Мельчук (1974), с. 72 обращал внимание на три различные интер-

прегации предложения "Я не боюсь вашего прихода" (1: "не считаю высоковероятным", 2: "не считаю злом", 3: "не считаю себя беспомощным"), вводя в соответствующей сноске термин пресуппозиции.

Последнее наше замечание по поводу трактовки полисемии связано со статусом элемента "или", с помощью которого иногда осуществляется подразделение значений внутри толкования. В качестве примера приведем *надеяться 2a*: *X надеется, что $Y = (\alpha)$ X считает² высоковероятным осуществление желательного для X-а события Y или (β) X находится в положительном эмоциональном состоянии, каузированном этим мнением; это состояние таково, какое обычно бывает в указанной ситуации*". Данное определение явно свидетельствует о том, что кроме упомянутых в введении (с. 78) типов семантических различий внутри одной вокабулы существует еще один, который здесь помечается греческими буквами. В связи с этим возникают два вопроса: 1) Какова характеристика данного различия, чем он отличается от последующего в порядке увеличения типа семантических различий, маркированного строчными буквами ("весьма малые и в то же время максимально регулярные смысловые соотношения")? 2) На каком основании предполагается, что этот тип уже не способен различать целые лексемы? Напомним, что "единицей описания в ТКС является словарная статья, соответствующая одной ЛЕКСЕМЕ или одной ФРАЗЕМЕ: одно слово или одно фразеологическое сочетание в одном значении" (Введение, с. 78). Можно ли из того факта, что смыслы α и β , противопоставленные посредством элемента "или" и входящие в одну и ту же словарную статью, заключить, что мы в данном случае уже не имеем дело с отдельными значениями? Этот вывод не совсем убедителен, ибо смыслы α и β вполне соответствуют, как показывает пример *надеяться*, определению многозначности, данному в раб. Апресян (1974), с. 187. Кроме того оказывается, что они могут находить выражение в различных значениях одной и той же лексической функции (напр. *Магн (надеяться (α)) = твердо*, *Магн (надеяться (β)) = горячо*), а также в различном статусе отдельных актантов (так, при *надеяться (α)* второй актант обязателен, при *надеяться (β)* - нет). Не было ли бы в свете этих фактов предпочтительно разбить описание *надеяться 2a* на две самостоятельные словарные статьи?

С другой стороны обращает на себя внимание асимметрия трактовки *надеяться 2a* и его квазиантонима *бояться I.2a*, о котором шла речь выше: те же самые смысловые элементы, которые входят в толкование *надеяться 2a* (до точки с запятой), выступают и в толковании *бояться I.2a*; последнее отличается от первого лишь минусовым знаком

желательности У-а (именно в этом заключается антонимическое соотношение двух данных единиц) и отсутствием разделительного "или". Отметим, что Иорданская (1970) в своем предварительном толковании слова *надежда* (So (надеяться)) еще не различает смысл α от смысла β . Любопытно узнать, какие содержательные соображения привели к расщеплению *надеяться* и *надежда* на два варианта в настоящем издании ТКС, тем более, что данное решение заставило автора отступить от сформулированного в введении принципа, состоящего в том, что семантически близкие вокабулы должны получать сходную организацию. Если же данное изменение оправдано, спрашивается, не лучше ли признать квазиперформативное значение *надеяться* 1 (т.е. точного антонима *бояться* I. 1, ср. выше) частным случаем значения *надеяться* 2a. α ? Ведь первое отличается от последнего лишь расширенным кругом лиц, для которых событие У может быть желательным.

Итак, трактовка многозначности в ТКС может вызвать сомнения в трех отношениях: не всегда убедительны 1) упорядочение лексем, 2) их взаимная иерархия (в частности, не совсем ясен статус смысловых альтернатив типа " α или β "), иногда проблематична 3) расшифровка ссылок, обозначающих межлексемное включение. При всем этом, однако, нельзя упускать из виду, что языковые данные не раз допускают разные равноправные семантические описания; в частности, верно, что "многие языковые факты могут быть полно и непротиворечиво описаны либо как факты лексической полисемии, либо как факты моносемии"¹¹.

Перейдем к разбору отдельных зон, из которых складывается словарная статья. Не излишне будет напомнить сначала их состав. Словарная статья одной лексемы в ТКС охватывает: 1) морфологические сведения, 2) стилистические пометы, 3) толкование, 4) модель управления, 5) ограничения к этой модели управления, 6) примеры, иллюстрирующие все возможные комбинации заглавного слова с названиями его актантов, предусматриваемых в модели управления, 7) лексические функции, 8) примеры к лексическим функциям, 9) энциклопедические информации, в случае надобности дополняющие толкование данной единицы, 10) ссылки на идиомы, в состав которых входит заглавное слово (поскольку идиомы функционируют в ТКС как автономные единицы, им посвящены отдельные словарные статьи).

Как видно из этого перечня, вырисовывается некоторая иерархия отдельных словарных зон. Чисто служебную роль играют зоны 6 и 8, снабжающие предыдущие зоны иллюстративным материалом; зона 5 подчинена предшествующей, а зона 9 - зоне 3. В качестве подзоны к

третьей зоне можно выделить коннотации, т.е. сведения о стандартных семантических ассоциациях, связанных с заглавным словом; этот тип информации вынесен за пределы собственно толкования¹². Возможности дифференциации различных смыслов внутри толкования будут обсуждаться ниже; здесь ограничимся указанием на то, что в ТКС пока не отмечаются особыми средствами пресуппозиции и модальная рамка. Приведенные словарные зоны обладают различной степенью обязательности, но в принципе все они могут отсутствовать за исключением 1, 3 и 6 (этот минимальный состав представлен напр. в *наизусть* 2 (= Magn (знать))).

Морфологические сведения в ТКС весьма скудны: приводятся лишь несколько характерных словоформ плюс набор граммем, свойственных целой парадигме (род и одушевленность у имен, вид у глаголов)¹³. При надобности эти данные дополняются указаниями на дефектность парадигмы вроде "ед нет" (= отсутствие единственного числа) или непарность глагола (вроде "сов нет"). Такой набор морфологических данных явно недостаточен. Особенно бросается в глаза отсутствие сведений о частях речи и акцентных парадигмах. Поскольку все эти информации полностью представлены в Грамматическом словаре, изданным А. А. Зализняком, самым удовлетворительным решением с перспективы пользующего словарем был бы, пожалуй, перенос данных из этого словаря в соответствующие статьи ТКС. На наш взгляд, такое соединение двух словарей несколько не уменьшило бы значение ТКС в целом, так как морфологические информации в последнем занимают весьма периферийное место.

По поводу морфологической зоны словаря нам хотелось бы поднять следующий вопрос: Каким образом распределена информация между этой и семантической зонами? Наводит на этот вопрос трактовка *pluralia tantum* в настоящем фрагменте ТКС. Так, при заглавных словах **очки** и **часы** имеется помета "ед нет". Из этой пометы мы, однако, не можем извлечь информацию о том, что на самом деле в данных случаях наблюдается омонимия двух чисел (ср. "одни часы" - "двое часов")¹⁴. Можно возразить, что такое уточнение для данных лексем избыточно, так как из их толкований косвенным образом следует, что имеем дело с исчисляемыми предметами; при отсутствии добавочных ограничений всегда допускается, что такие существительные обладают семантически двучисловой парадигмой. Подобные соображения могут также предотвратить неправильную интерпретацию таких примеров как **кадры** или **чернила**, **сливки** и т. п., где за пометой "ед нет" скрывается статус *singulare tantum* среди *pluralia tantum* (ср. Прим. 14): толкования этих единиц должны содержать информацию об их принадлежности к

собираемым или вещественным существительным, и тем самым об их неисчисляемости. В случае лексики *кадры* такую информацию можно извлечь из компонента "совокупность людей", содержащегося в толковании; *pluralia tantum*, обозначающие вещества типа *чернила*, в ТКС не представлены. Но даже если согласиться с таким косвенным учетом признака неисчисляемости, остается неясным, как должно выглядеть толкование таких лексем с дефектной парадигмой как *ребята, дети, девчата*, обозначающих исчисляемое, несобирательное множество (ср. "семь девчат", но: "*семь кадров"): компонент "совокупность людей" здесь исключен, но и "группа людей" не является удовлетворительным вариантом. Таким образом, можно усомниться в том, что имплицитная подача информации об исчисляемости описанных в ТКС *pluralia tantum* вполне адекватна; предпочтительным представляется нам ее выделение в виде особой пометы рядом с маркировкой "ед нет".¹⁵

Оставляя стилистические сведения в стороне, приступим к рассмотрению **семантических экспликаций**, которым посвящена третья зона словарной статьи. В связи с этой зоной следует иметь в виду то, о чем пишет Мельчук (1974), с. 111: "Вообще, толкования не стояли в центре внимания при разработке экспериментальных словарных статей - главной задачей считалось описание сочетаемости слов с помощью лексических функций". Действительно, приходится констатировать, что именно толкования составляют тот компонент описания, который вызывает наибольшие возражения¹⁶. Ниже будут обсуждаться следующие два аспекта: 1) нестандартизированность ("нерегламентированность") метаязыка, используемого в ТКС для семантических описаний, 2) недостаточная внутренняя дифференцированность различных типов информации, входящих в одно толкование. Но прежде чем заняться этими вопросами, нам хотелось бы обратить внимание на один частный случай, с которым, видимо, связана совсем нетривиальная проблема.

Приведем толкование глагола **обещать** 1: *X обещает Y Z-y = X со-общает Z-y, что будет иметь место Y, который существенно касается Z-a и который зависит от X-a, и что X готов приложить усилия с целью каузировать Y*". Толкование данного глагола подверглось за последние годы существенным изменениям: В раб. Мельчук (1973, 1974) еще отсутствуют компоненты "Y зависит от X-a" и "X готов приложить усилия...", компонент же "X, который существенно касается Z-a" был тогда сформулирован так: "Z заинтересован в Y"¹⁷. Нетрудно догадаться, что эти изменения произошли не без влияния известного анализа англ. глагола *promise*, предложенного в свое время Сэрлом (на этот анализ и ссылается Мельчук (1981), с. 27, рассматривая значение французского соответствия *promettre*). В частности, первые два из

указанных дополнений передают в переформулированном виде приблизительно тот же смысл, который у Сэрла описан посредством условий удачности 3 и 6; рамки данной статьи однако не позволяют нам подробнее остановиться на этих двух аспектах. Что касается третьего изменения, то оно, видимо, продиктовано стремлением учесть и такие ситуации, где обещанное для адресата является нежелательным¹⁸. Но какие случаи имеются здесь в виду? ТКС не подает подходящих примеров; зато находим в раб. Мельчук (1981) при франц. *promettre*, толкование которого совпадает с русским *обещать*, предложение: "Pierre a promis une fessée". Если формулировка "У существенно касается Z-a" / "У concerne Z" действительно призвана охватывать такое шутливое или ироническое употребление, спрашивается, во-первых, возможно ли это употребление в русском языке (примеры типа "Костя обещал мне пощечину" или "Обещаю тебе, что еще будешь сожалеть об этом" наталкиваются на сопротивление носителей языка), а во-вторых, не следует ли считать такие случаи отклонением от нормального употребления данной лексемы? Трактовка шутливых или иронических вариантов на одном уровне с основным значением вряд ли приведет к желательным результатам. Итак, пока неясно, какие аргументы говорят в пользу того, чтобы отдать предпочтение предложенной в настоящем фрагменте ТКС формулировке смысла *обещать* 1. (Отметим, что и сэрловский анализ предполагал желательность обещанного действия для адресата.)

Что касается семантического метаязыка, на котором сформулированы толкования в ТКС, то напомним, что он имеет полуискусственный характер: это русский язык, очищенный от всякой полисемии и межлексемной синонимии, дополненный некоторыми искусственными единицами вроде "каузировать" и отличающийся прежде всего редуцированным лексическим составом, складывающимся исключительно из элементарных (неопределимых) и полуэлементарных смыслов. В случае предикатных выражений набор искусственных символов еще пополняется переменными типа X, Y, Z для обозначения актантов. Отвлекаясь от вопроса интерпретации такого полуискусственного языка (в частности, от возможности возникновения порочного круга, на которую с предостережением указывает в своих работах А. Вежбицкая), выясним сначала, какой синтаксический формат приобретают толкования в ТКС. Здесь существуют две возможности: 1) толкования таких единиц, которые способны только образовывать сказуемые (глаголы, предикативы типа *стыдно*, наречия типа *замуж*), даются в виде целых предложений, ср. процитированные выше определения лексем *бояться* и *обещать* ; 2) толкования же всех остальных лексем имеют вид

сложных именных групп (в частности, прилагательные выступают в определительной функции, напр. *Х, опытный в У-е*). Таково по крайней мере распределение форматов, наблюдаемое в ТКС (оно нигде не объясняется эксплицитно). В последних работах Ю. Апресяна этот принцип однако не выдерживается строго: так, в раб. Апресян (1980), с. 56 толкования качественных прилагательных *благодарен / благодарный* принимают вид целых предложений. Такое решение вполне оправдано, так как атрибутивное употребление этого прилагательного вряд ли допускает полный набор всех трех актантов. Стоит подумать о том, не лучше ли расширить эту трактовку на все качественные прилагательные.

В идеальном случае **язык семантических описаний** должен характеризоваться одно-однозначным соотношением плана содержания и плана выражения. На практике лексикографы (в том числе и авторы ТКС) весьма часто вынуждены нарушать это требование, поскольку "от толкований ожидается достаточная языковая гладкость и 'читабельность'"¹⁹. Как справляются с этой дилеммой авторы настоящего фрагмента ТКС? Здесь следует различать две проблемы. С одной стороны, очищение метаязыка от полисемии, о котором говорилось выше, по нашим наблюдениям достигнуто почти полностью; в частности, сняты многозначные слова, встречающиеся в прежних версиях отдельных словарных статей и отмеченные в раб. Котелова (1975) (при фразе *старая дева*, напр., теперь изменен компонент "не сумевшая", допускающий две различных интерпретации). Не дождалась пока однозначного уточнения единица "каузировать", столь часто появляющаяся в ТКС²⁰; видимо, это потребовало бы перестройки слишком многих толкований.

С другой стороны, не удалось избежать сосуществования синонимичных единиц. В частности, в отдельных толкованиях употребляются такие неэлементарные слова или словосочетания, которые можно было бы заменить лексемами уже обработанными, т.е. снабженными словарной статьей. В качестве примера приведем компонент "Х находится в эмоциональном состоянии", выступающий в определениях глаголов чувства, таких как *бояться* (см. выше), *гневаться* или *надеяться*. Этот же смысл полностью передает синонимическая перифраза "Х испытывает чувство II.1a.", с помощью которой можно сразу осуществить две цели: снятие ненужной синонимии и более последовательную реализацию межлексемных ссылок. Тем же сочетанием приходится заменить вариант "Х испытывает ... эмоцию", встречающийся при фразе *колоть глаза*. Читабельность словаря от такой поправки вряд ли пострадает²¹. Кроме описанной ситуации встречаются и случаи квазисинонимичных отношений; так, в толко-

вании *бояться* 1.2а событие У определяется как нежелательное, а в NB к *бояться* 1.2б - как неприятное.

Еще большую склонность к синонимии проявляют синтаксические средства, используемые в семантическом метаязыке ТКС. Поскольку этот аспект в имеющейся литературе почти совсем не затрагивается, остановимся немного подробнее на нем. К примеру возьмем известную уже формулу "X считает, что высоковероятно У". В силу наличия альтернативного управления глагола "считать" здесь возможна синонимическая формулировка "X считает высоковероятным осуществление события У". Первый вариант выступает в толковании *бояться* 1.2а, второй - в толковании его квазиантонима *надеяться* 2а. Отказ от такого разнообразия формулировок вряд ли уменьшил бы гладкость описания. (В принципе здесь допустимы еще два варианта, ибо номинализацию можно заменить придаточным предложением с союзом "что"; об этом ниже).

Приведем другой пример: относительные придаточные и соответствующие атрибутивные конструкции с прилагательными или причастиями находятся в ТКС в отношении свободного варьирования, ср. с одной стороны "событие У, нежелательное для X-а" (*бояться*), а с другой "У, который существенно касается Z-а" (*обещать*)²². На этот раз, однако, ограничение варьирования может привести к ухудшению читабельности в таких случаях, где одновременно имеется несколько различных определительных членов; к тому же конкурирующие конструкции не всегда взаимозаменяемы, поскольку придаточные с относительным местоимением в косвенном падеже не поддаются редукции, а значительное количество прилагательных (напр. "семейный", "производственный") не способны к предикативному употреблению и поэтому не могут выступать в относительном придаточном.

Описанные конструкции могут быть неудобны еще в другом отношении: они допускают в принципе две различные интерпретации, а именно ограничительную (рестриктивную) и распространительную (нерестриктивную). Эта потенциальная многозначность, однако, снимается в любого типа словарных определениях: здесь, видимо, выступают исключительно ограничительные придаточные и атрибуты, поскольку только эти конструкции способны к выражению видо-родовых отношений. Поэтому нет надобности регламентировать употребление данных конструкции для метаязыковых целей.²³

Другие синтаксические средства проявляют склонность не столько к многозначности, сколько к "диффузности" значения. На первый взгляд кажется, что они не допустимы в метаязыке, предназначенном для формулирования научных определений. Но это не обязательно

верно: отсутствие эксплицитности может оказаться удобным, когда она компенсируется большей экономностью. Вернемся еще раз к компоненту "X считает², что высоковероятно осуществление события У", входящему в толкования *бояться* и *надеяться*. Номинализации ("осуществление") оставляет открытым временное отношение между оформляемой таким способом пропозицией и пропозицией, выражаемой главным предложением "X считает", но это как раз то, что требуется от описания данных глаголов: предмет боязни или надежды может относиться к прошлому, настоящему или будущему временному плану. Альтернатива же "X считает², что высоковероятно, что осуществилось, осуществляется или осуществится событие У" слишком громоздка, хотя она и эксплицитнее.

Куда более проблематичной является, на наш взгляд, широкая употребительность деепричастных конструкции в ТКС. Как известно, эти конструкции характеризуются широким диапазоном возможных смысловых связей с конструкцией-хозяином, причем и контекст не всегда подсказывает однозначную интерпретацию. Именно такие случаи попадают в ТКС сплошь и рядом. В качестве примера процитируем толкование *лестить* 1.1: X *лестит* У-у = X неискренне хвалит У-а самому У-у, пытаясь придать своей похвале достаточное правдоподобие, с целью чтобы эта похвала, удовлетворив самолюбие У-а, доставила ему удовольствие и тем самым каузировала расположение У-а к Х-у, которым Х хочет воспользоваться"²⁴. Здесь нельзя с абсолютной точностью определить значение ни первой, ни второй деепричастной конструкции, ср. "тем, что/причем/потому что пытается" (посредством "потому что" объясняется суждение "неискренне"), "тем, что/если похвала удовлетворяет самолюбие У-а / чтобы эта похвала удовлетворила... и доставила..." и т. п. Такую "диффузность" семантического описания вряд ли можно признать целесообразной.

К тому же употребление деепричастия в данном примере приводит еще к одному нежелательному результату: целевое придаточное, введенное с "с целью, чтобы..." может зависеть либо от деепричастной конструкции "пытаясь...", либо от предыдущего предложения "X хвалит...". Эта двусмысленность вызвана тем, что деепричастная конструкция по своему коммуникативному рангу второстепенна (в чешской и немецкой лингвистической традиции она определяется как "вторичная предикация") и поэтому может быть изъята из семантико-синтаксических связей окружающих членов. Если для данного примера принять такую интерпретацию, то получается имплицитное условное значение ("если удовлетворяет..."). Убедительнее, разумеется, трактовать конструкцию с "удовлетворив" как часть второго аргумента юнктора "чтобы", ибо в

нашем общем фонде знания о мире имеется правило вроде "удовлетворение самолюбия У-а может предоставить У-у удовольствие"²⁵; но толкование лексической единицы, на наш взгляд, не должно опираться на такие имплицитные, внеязыковые сведения, а представить искомую информацию в эксплицитном виде.

Обобщим сказанное следующим образом: употребление вторичных предикаций (оформленных деепричастием или прилагательным) в толковом словаре нежелательно, поскольку семантическая связь таких конструкций с окружающими предложениями остается невыясненной, и, вдобавок к тому, оно может сопровождаться возникновением коммуникативной иерархии смыслов, которая на данном уровне описания неуместна.

В связи с изложенным небезынтересно узнать, как выглядит трактовка "реально существующих", т.е. засвидетельствованных в текстах деепричастий в семантическом представлении модели "смысл - текст". Насколько нам известно, до сих пор не было еще предложено описания такого случая. Главная трудность для его моделирования заключается именно в семантической неопределенности коннектора, связывающего первую и вторичную предикацию. По нашим наблюдениям можно, за исключением случаев с имплицитным условным значением, представить все деепричастные конструкции с помощью конъюнкции (логического "и"), осложненной указанием на коммуникативную второстепенность одного из конъюнктов, что в свою очередь влечет за собой определенные семантические последствия (в зависимости от тематико-рема-тической организации предложения данный конъюнкт может входить или не входить в сферу действия модальности другого конъюнкта, и т. п.)²⁶. Неадекватно было бы во всяком случае описание деепричастных связей посредством эксплицитных (союзных) выражений, таких как "если", "потому что" и т. п.

Таким образом, описательный язык, использованный в толкованиях ТКС, требует как в лексическом, так и в синтаксическом отношениях более строгого регламентирования, чтобы удовлетворить постулатам эксплицитности и однозначности метаязыка. Тем самым он станет безусловно менее идиоматичным (по словам Мельчука: менее гладким и "читабельным"), но это по нашему мнению меньшее из двух зол.

Второе принципиальное возражение, которое вызывают толкования в ТКС, связано с их недостаточной внутренней дифференцированностью. Как показано в раб. Апресян (1983), здесь следует различать по крайней мере четыре типа информации: 1) ядро значения, 2) пресуппозицию, 3) модальную рамку, т.е. указание на оценку описываемой ситуации говорящим и предполагаемое говорящим отношение к этой

ситуации со стороны адресата, 4) рамку наблюдения, т.е. локализацию воображаемого наблюдателя в описываемой ситуации. Припомним, что этот список станет еще шире, если учесть коннотации, примыкающие в ТКС к собственно толкованиям. Разумеется, не все пять упомянутых слоев смысла всегда выступают совместно при одной и той же лексеме; наоборот, этот случай в словарном составе естественных языков представлен крайне редко.

Из анализируемых Апресяном четырех типов информации **рамка наблюдения** вводится им впервые в процитированной статье. Поэтому, как нам кажется, не излишне будет проиллюстрировать данное понятие примером. В парах типа "Дорога кончалась/кончилась около леса" вариант с совершенным видом отличается тем, что в нем имеется добавочный компонент "говорящий мыслит наблюдателя, перемещавшегося по X-у, сознание которого регистрировало этот факт" (т.е. общую для обоих вариантов собственную ситуацию)²⁷. Поскольку в число представленных в ТКС лексических единиц не вошел ни один подобный случай, то и не понадобилось различать данный тип информации²⁸; его учет будет однако необходим, когда авторы приступят к описанию предлогов типа "из-за" или указательных местоимений.

Остается выяснить, как выглядит трактовка остальных трех типов информации в ТКС. **Модальная рамка** не выделяется особыми средствами, но ее легко узнать в тех компонентах толкований, где говорящий эксплицитно назван ("говорящий считает/ожидал/относится отрицательно" и т. п.). Стандартной формулировки здесь пока не видно, ср. с одной стороны толкования глаголов *подлизываться* и *подольщаться*, содержащих компонент "и говорящий считает, что это плохо характеризует X-а", а, с другой стороны, толкование фраземы *подложить свинью* : "нарушая этим признаваемые говорящим нормы поведения X-а по отношению к У-у". Но в принципе можно согласиться с данным представлением модальных рамок в ТКС.

Хуже обстоит дело с **пресуппозициями**. Выше было отмечено, что во время разработки словарных статей, включенных потом в настоящий фрагмент ТКС, его авторы уже пользовались этим понятием²⁹. О необходимости выявления пресуппозиций в лексикографических описаниях говорится эксплицитно в раб. Апресян (1980): "Итак, по одному признаку - отношению к отрицанию - толкование делится на пресуппозиционную и ассертивную части" (с. 50). Где же проходит эта граница в толкованиях ТКС? Пресуппозиции в них не отмечаются ни графическим, ни языковым способом; можно лишь допустить, что они скорее оформляются посредством синтаксически зависимых конструкций, таких как атрибуты, относительные придаточные или деепричаст-

ные обороты (ср. выше приведенный компонент "событие У, нежела-
тельное для Х-а", выступающий в толкованиях *бояться* и *надеяться*), но
опять же не во всех случаях³⁰. Этот недочет различия между пресуппо-
зициями и ядром значения ("ассертивной частью") является, на наш
взгляд, самым серьезным недостатком толкований в ТКС. В частности,
таким способом нельзя уловить смысловоразличительную роль распре-
деления этих двух компонентов в таких "минимальных парах" как
обвинять-критиковать (по анализу Филмора) или *бояться₁-бояться₂*
(по анализу А. Зализняк). Кроме того, в рамках теории "смысл - текст"
пресуппозиции играют существенную роль при отграничении тех
языковых аномалий, синтез или анализ которых блокируется моделью:
как пишет Апресян (1978), должны быть отвергнуты лишь те случаи, где
нарушено правило сочетаемости по крайней мере одного неассер-
тивного компонента (модальной рамки или пресуппозиции), напр.
"*вот не книга*", "*он узнал от диспетчера, будет ли рейс*", "**Каким не
он мне показался чудачком*", тогда как синтетически или аналитически
ложные предложения как "*река течет в гору*", "*пустынное солнце
садится в рассол*" или "*холостяки иногда бывают женаты*" обраба-
тываются моделью так же как и все остальные предложения.

Здесь можно возразить, что само понятие пресуппозиции отнюдь не
лишено неясности, скорее наоборот: оно относится к самым емким и
расплывчатым понятиям современной семантики. Дело в том, что
критерий отрицания далеко не всеми исследователями признается
единственным возможным для определения пресуппозиции³¹. Это со-
знают и авторы ТКС: ссылаются они на обзор различных пониманий
этого термина, предложенный в раб. Garner (1971)³². Эта работа, одна-
ко, вряд ли представляет актуальный этап исследований; более полные
библиографические данные приводятся напр. в статье Najšćová (1984).
Из советской литературы заслуживает особого внимания глава III кн.
Падучевой (1985), посвященная целиком изучению пресуппозиций, в
том числе и лексических (с. 72-75). Но даже если допустить, что
критерий отрицания пригоден для целей лексикографа, он нуждается в
следующих объяснениях:

1) Как показывает Апресян (1978), целые разряды лексических единиц
не способны выступать либо в отрицательных, либо в утвердительных
контекстах. К первой категории относятся напр.: *вот, вон, весьма, как
раз, опять, почти*, к другой - *кто-либо, пальцем шевельнуть, уступать на
йоту* и т. п. (для удобства изложения мы здесь сознательно упрощаем
картину, отвлекаясь от неотрицательных модальных контекстов). Эти
факты приводят к постановке следующих вопросов: а) Если тест
отрицания к данным примерам не применим, каким другим критерием

располагает лексикограф, чтобы раскрыть в их значении эвентуально имеющиеся пресуппозиции? См. об этом ниже в связи с наречием *почти*. б) Какая зона словарной статьи должна содержать указание на сочетаемое ограничение первой группы (*почти, вон, опять, даже и т. п.*), элементы которой не могут попадать в сферу действия отрицания? На данном этапе разработки ТКС ни модель управления, ни перечень лексических функций не годятся для этой цели.

2) Поклонники критерия отрицания должны принять в расчет, что этот тест допускает в принципе не две, а три возможности: при отрицании целого предложения анализируемый компонент может либо стать ложным, либо остаться истинным, либо его истинностное значение окажется неопределенным. Первые две ситуации принято называть соответственно ассерцией и пресуппозицией, третья получила в работах чешских исследователей актуального членения (П. Сгалла и Е. Гаичевой) название "*allegation*". По-видимому, такие "*allegations*" встречаются также в толкованиях лексических единиц. Так, компонент "событие У зависит от Х-а", содержащийся в выше процитированном толковании *обещать*, может в зависимости от контекста оказаться чувствительным или нечувствительным к отрицанию, ср. с одной стороны: "Я не обещал ему прийти. Это же не зависит от меня, вырвусь ли я или нет", а с другой стороны: "Я не обещал ему прийти, хотя, конечно, смогу вырваться и непременно приду".

3) Как справедливо отмечается в раб. Апресян (1978), граница между ассертивной и пресуппозиционной частями толкования может в зависимости от актуального членения данного предложения подвергаться изменению. В частности, тот смысл, который в лексикографическом описании признается ассертивным, на самом деле обладает таким статусом только тогда, когда данная лексема входит в рему предложения, в тематической же позиции она тоже превращается в пресуппозицию. К примеру, если перестроить выше проанализированный пример на вариант "Это не я ему обещал прийти", порождается новая сложная пресуппозиция "Кто-то обещал ему прийти", охватывающая и бывшую ассертивную часть толкования "Х сообщает Z-у...". Из этого явствует, что диагностирующим контекстом для выявления границы между ядром значения и пресуппозициями или "*allegations*" могут служить только предложения, где описываемая единица выступает в качестве ремы³³. Можно полагать, что в ТКС это условие выполнено для глаголов, поскольку здесь всегда толкуются целые предложения типа "Х обещает У Z-у", в которых данный глагол, по-видимому, не употреблен тематически. Иначе обстоит дело с теми

лексемами, толкования которых имеют вид сложной именной группы и тем самым не делимы на тему и рему.

Следует однако подчеркнуть, что тематико-рематический анализ предложения является только предварительным шагом для достижения нашей цели. Поэтому словарные сведения о распределении ассертивных и неассертивных компонентов значения не могут и замещаться семантическим представлением данного предложения в рамках модели "смысл - текст". К примеру, в СемП предложения "Ваня твердо обещал Пете..." (см. выше, сн. 17) все компоненты значения *обещать* одинаково отмечены как рематические; следовательно, из него никак нельзя извлечь информацию о том, что компонент "Петя заинтересован в..." при отрицании того же предложения с тем же актуальным членением скорее всего находился бы вне сферы действия отрицания и поэтому его нельзя было бы отнести к ядру значения. Такие данные может содержать лишь словарь.

Кроме того, существуют лексические единицы, пресуппозиции которых ни при каком варианте тематико-рематического членения не утрачивают свой статус. Сюда относится напр. *только*, значение которого по критерию отрицания складывается из пресуппозиции "X делает Y" и ассертивной части "и не существует Z, отличного от Y, такого, что X делает Z"³⁴. Видимо, не мыслим такой контекст, в котором первый из названных двух компонентов попал бы в сферу действия отрицания. Это связано с невозможностью употребления данной лексемы в противопоставлениях типа "*Он не сделал только X, но все за исключением X-а", где истинность компонента "он сделал X" была бы снята. Таким образом, лексема *только* обладает как будто дефектной коммуникативной парадигмой, вследствие чего с ней неразрывно связана обсуждаемая пресуппозиция. Где же должна быть представлена информация такого типа, если не в словаре?

Итак, в рамках толкований ТКС необходимо отмечать не только ядро значения и модальную рамку, но и рамку наблюдателя и пресуппозиции всякого рода плюс (при строгом применении критерия отрицания) "allegations". Что касается коннотаций, то напомним, что это понятие дождалось окончательного определения только в раб. Иорданская/Мельчук (1980). Возможно, именно этим обусловлена не совсем последовательная трактовка коннотаций в предлагаемом фрагменте ТКС. Так, иногда недостаточно четко проводится их отграничение от отдельных компонентов собственно толкования. Напр., под толкованиями "У-а мутит от Х-а" и "У-а тошнит от Х-а" приводится коннотация "Х - отвратительный". Более адекватным представляется нам трактовать этот смысл как модальную рамку ("говорящий считает, что Х

- отвратительный"). Другой пример: под заглавным словом *свинья 1а* находим коннотацию "неразборчивость, всеядность"; почти такой же смысл появляется и в толковании: "Всеядное животное...". Такое удвоение информации вряд ли оправдано. К тому же оказывается, что данный смысл не удовлетворяет требованиям, сформулированным в раб. Иорданская/ Мельчук (1980) для выявления лексических коннотаций: видимо, не существует такой лексической единицы, "в толковании которой имеется компонент, полностью или частично совпадающей с этой гипотетической коннотацией" (с. 199). В частности, ТКС не приводит ни фраземы, содержащей лексему *свинья 1а*, ни другой лексической единицы, находящейся в отношении семантической или словообразовательной производности с этой лексемой, в значение которой входил бы компонент "неразборчивость". Следует, однако, принимать в расчет, что к фраземам относятся также пословицы. В упомянутой статье критерии их подбора не уточняются; в связи с данным примером это не без значения, поскольку существует малоизвестная и в ТКС не засвидетельствованная пословица "Человек не свинья, все слопаёт", где наблюдается шутливый перенос обычного стереотипа ("свинья все слопаёт"). Если эта пословица по каким-либо соображениям "не в счет", придется, видимо, вычеркнуть смысл "неразборчивость" из перечня коннотаций лексики *свинья 1а*.

Предлагаемая трактовка коннотаций может, кстати, в определенных случаях привести к нежелательным результатам. Это особенно касается тех лексем, с которыми в обществе традиционно ассоциированы какие-то отрицательные представления, предрассудки и т. п., сохраняющиеся в соответствующих пословицах, но наталкивающиеся в наши дни на несогласие большинства носителей языка. По этому поводу достаточно указать на такое слово как *жена*, встречающееся во многих пословицах, в которых проявляется явно неодобрительное отношение к денотату этого слова. Интересным было бы также узнать, как выглядит описание коннотаций слова *баба* в свете таких пословиц как "Курица не птица, (а) баба не человек". Таким образом, требуются еще добавочные (внелингвистические?) критерии для отбора пословиц и закрепившихся за ними коннотаций.

Что до остальных коннотаций, приводимых в ТКС под заглавным словом *свинья 1а*, то они, правда, выполняют выше процитированное условие, но и здесь наблюдается некоторая непоследовательность описания. Первым двум коннотациям (1) "чрезмерная телесная толщина, 2) нечистоплотность") соответствуют переносные значения *свинья 2а*: "чрезмерно толстый человек..." и 2б: "нечистоплотный человек..." Коннотации 4) ("примитивное наглое поведение, хамство") и 5)

("неблагодарность"), однако, сливаются в одну лексему *свинья 2в*: "неблагодарный и подлый или примитивный, наглый и развязный во внешних проявлениях человек...". Отчего это происходит, не совсем ясно. На наш взгляд, было бы более естественно разбить данную лексему соответственно на две, по коннотациям 4) и 5). Это бы также позволило отказаться от ненужного элемента "или", все равно указывающего на скрытую полисемию (ср. наши соображения по поводу *надеяться 2а.*). Кроме того, обращает на себя внимание компонент "подлый", появляющийся впервые в толковании лексемы *свинья 2в* - в соответствующей коннотации при *свинья 1а*. не упоминается о подлости; судя по реакциям носителя языка, смыслы "неблагодарный" и "подлый" не обязательно выступают совместно в одном и том же переносном значении слова *свинья*.

Описанные метафорические варианты слова *свинья* отражаются также в различных значениях производного слова *свинство*. Таким образом, полисемия последнего в конечном итоге восходит к различным коннотациям лексемы *свинья 1а*. Отметим попутно, что в толковании *свинство 2а* имеется опечатка: "Свинство X-а = $S_0(X \dashv \text{Pred (свинья 2б)})$ " (нужно: "2в").

По поводу модели управления ТКС нам хотелось бы сосредоточиться на следующем аспекте: каково отношение этой словарной зоны к предыдущей, т.е. к толкованию данной единицы? С одной стороны, очевидна зависимость модели управления от толкования в том смысле, что первая "наследует" от последнего переменные, обозначающие синтаксические актанты. С другой стороны, те сочетаемостные ограничения, которые в порождающей грамматике получили название "selectional restrictions", могут во многих случаях быть представлены либо в толковании, либо в виде ограничений к модели управления. Авторы ТКС уделили этой проблеме немалое внимание, ср. Апресян (1974), с. 66 и 93, и их вывод, что включение данной информации в толкование в принципе экономнее, тогда как "комбинаторное" решение проще, вполне убедителен. На практике, однако, встречаются случаи, где искомая информация не дается ни в той, ни в другой зоне. Таково положение у заглавного слова *виселица*, которое определяется следующим образом: "устройство для повешения X-ом Y-а = укрепленная на столбе <столбах> перекладина, с которой свешивается веревка с петлей [= S_{instr}^{usual} (вешать II)]". Данное толкование не содержит никакого указания на семантические ограничения, накладываемые на актанты X и Y; в частности, ссылка на глагол *вешать* в этом отношении неинформативна, поскольку не уточняется, которое из значений этого глагола представлено в сл. *виселица*. Но и модель

управления не дает этой информации, разве же в объяснениях к семантическим актантам ("1 = X [кто вешает], 2 = Y [кого вешают]"), из которых можно заключить, что X и Y - обозначения людей³⁵. Эти объяснения имеют однако, насколько мы это понимаем, чисто служебную функцию³⁶ и тем самым не могут заменить настоящих (в данном случае отсутствующих) ограничений к модели управления. Таким образом, семантическая характеристика актантов, связанных с ситуацией виселица, остается открытой.

Данный пример представляет находку для поклонников теории прототипов. Вообразим, что кого-то угораздило с помощью описанного устройства вешать белье (= Y): укладывается ли такая ситуация еще в рамках категории "виселица", или говорилось бы тогда об устройстве в виде виселицы или "виселицеподобном" устройстве? Другой случай: в средневековом Париже устраивались зрелища, где для увеселения народа вешали кошек. Следует ли учитывать этот факт при определении семантического актанта Y (см. Прим. 35)? Далее, в принципе мыслима также ситуация, в которой человека в роли X-а замещает машина, специально сконструированная для этой цели. Само устройство из-за этого вряд ли перестало бы называться виселицей, но число семантических актантов увеличилось бы таким способом, поскольку целая ситуация все же имплицитно подразумевает наличие человека-производителя действия. И, наконец, вешать (в данном значении) можно, на худой конец, также с помощью простыни вместо веревки; следует ли из этого, что в выше приведенном толковании виселицы смысл "с петлей" является обязательным, смысл же "веревка" - типичным компонентом значения? Отметим, что все эти вопросы в равной мере существенны для описания производящего слова *вешать*³⁷. Каков бы ни был конечный результат анализа рассмотренных единиц, они показательны в том отношении, что изучение прототиповой организации лексических значений может повлиять не только на толкование, но и на модель управления данной лексемы.

Перейдем к обсуждению той зоны, которая составляет ядро почти каждой словарной статьи: к перечню **лексических функций**. Ввиду огромного объема этих данных - даже при таком "невинном", на первый взгляд, слове как *дождь* они охватывают свыше 4 страниц! - мы вынуждены ограничиться разбором весьма незначительного количества лексических функций, причем будут в первую очередь рассматриваться их ограничение и неравномерная внутренняя дифференциация; кроме того, нам хотелось бы обратить внимание на возможные пробелы в составе ЛФ.

Начнем с сопоставления двух близких по определению ЛФ Syn_3 (неточный синоним, значение которого шире значения ключевого слова) и $Gener$ (родовое понятие). ЛФ $Gener$ объясняется в предисловии следующим образом: $Gener + C_0 = C_0$; в качестве примера приводится $Gener(газ) = \text{вещество}$, ср. *газообразное вещество*. Оказывается, однако, что это условие далеко не во всех случаях выполнено. Так, $Gener(друг\ I.1) = \text{близкий (человек)}$, но $друг \neq *дружный\ близкий$; ср. также: $Gener(сосуд) = \text{вместилище}$, но $сосуд \neq *сосудное\ вместилище$. Противоречие исчезает, если прибегнуть к полному определению ЛФ $Gener$, данному в раб. Мельчук (1974), с. 84 сл.: теперь мы обнаруживаем, что в предисловии к ТКС пропущено альтернативное условие, согласно которому должно существовать сочетание вида " C_0, C_1, \dots, C_n и другие $Gener(C_0)$ ". Если применить этот критерий, действительно получается: $Gener(друг) = \text{близкий}$ [родственники, друзья и другие близкие люди], как и объясняется в ТКС³⁸.

Теперь, однако, возникает другая проблема: чем отличается ЛФ $Gener$ от ЛФ Syn_3 ? По-видимому, в обоих случаях имеем дело с видородовыми отношениями. Следует ли полагать, что выполнение хотя бы одного из приведенных альтернативных условий предопределяет принадлежность данного слова к ЛФ $Gener$? Попробуем это выяснить на примере такого случая, где одна и та же лексема является одновременно значением ЛФ Syn_3 от аргумента X и значением ЛФ $Gener$ от аргумента Y . Такой случай в ТКС представлен в лексеме **перерыв**, которая приводится в качестве $Gener(\text{обед } 3)$ и $Syn_3(\text{окно } IV)$ (= "неудобный промежуток между двумя учебными занятиями..."). Здесь очевидно, что речь идет о двух совершенно различных видах перерыва: *окно IV* и *обед 3* не совмещаются в одной и той же категоризации, откуда и вытекает невозможность сочетания "**окно, обед и прочие перерывы*". Этим доказана надобность введения двух различных ЛФ для описания данного случая. Но критерий наличия подобных представителей родовой категорий даже не применим к названным словам в отдельности, ср. "*окно, ?... и другие перерывы*", "*обед, ?... и другие перерывы*" (видимо, ни *завтрак*, ни *ужин*, ни *полдник* не обладают значением перерыва в работе³⁹). Зато существует сочетание с синтаксическим дериватом ключевого слова *обед 3*, ср. "*обеденный перерыв*", т.е. выполнено первое условие для ЛФ $Gener$. И, наконец, поскольку в случае *окно IV* это условие нарушено (ср. "**оконный перерыв*"), предлагаемое в ТКС распределение ЛФ $Gener$ и Syn_3 можно для рассмотренных лексем признать адекватным.

Другие случаи, однако, свидетельствуют о том, что упомянутые критерии не всегда позволяют предсказать принадлежность данного

слова к той или другой ЛФ. Откуда, напр., известно, что *Syn* (*агрессия*) = *нападение*? Ведь *интервенцию*, паверно, тоже следует считать частным случаем нападения; не вытекает ли из этого, что имеем скорее дело с ЛФ *Gener*? И как должен интерпретироваться факт, что ТКС постулирует по крайней мере два вида досок, а именно *горбыль* и *тес*, все же не признавая у слова *доска* статус *Gener*⁴⁰? Если дело в том, что для ЛФ *Gener* требуется количество выше двух видов или абсолютная их однородность (но по какому критерию?), то придется еще точнее сформулировать второе условие. Пока остается впечатление, что граница между ЛФ *Syn*₃ и *Gener* еще не проведена с достаточной четкостью. Отметим, что в этот раз обращение к источникам не решает проблему: в кн. Апресян (1974), с. 235-37 хотя и иллюстрируется понятие родо-видового квазисинонима, но родовые слова типа *Gener* в этой книге совсем не обсуждаются⁴¹. Для отграничения данных двух ЛФ не годится также критерий нейтрализации, рассматриваемый там же, с. 241-43; так, в качестве анафорической ссылки на предыдущее ключевое слово можно употреблять как квазисиноним, так и родовое понятие типа *Gener*.

При рассмотрении видо-родовых отношений необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство: один и тот же объект может иногда в зависимости от подбора различительных признаков быть отнесен к разным, пересекающимся категориям. Создают это и авторы ТКС: они делят, напр., виды пиломатериалов на 5 классов (по породе дерева, по форме, по функции и т. п.). К сожалению, такие дифференциации проводятся только в энциклопедической части словаря.

На наш взгляд, было бы желательно предусмотреть возможность расщепления ЛФ *Gener*_{j, k} ..., как это иногда имеет место с ЛФ *Magn*; таким способом станет теоретически возможным, напр., описать одно-временное включение единицы *трехколесный велосипед*⁴² в классы средств транспорта и игрушек, при обозначении вариантов *Gener* опираясь на соответствующие компоненты толкования этой фраземы. Предлагаемое расщепление ЛФ *Gener* обладает еще одним преимуществом: как показывает новейшие исследования по когнитивной семантике, далеко не все семантические отношения, которые принято считать родо-видовыми, являются таковыми в самом деле. Так, мебель, виды оружия, игрушки или средства транспорта по А. Вежбицкой не суть естественные таксономические категории в том же смысле, как, напр., животные, птицы или цветы (ср. Прим. 42). Наличие разных типов ЛФ *Gener* позволило бы отобразить эту разнородность таксономических отношений.

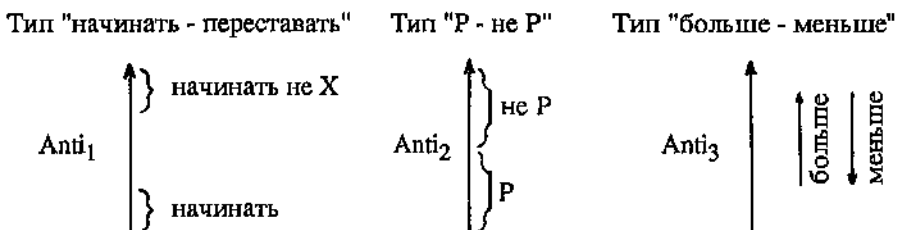
В связи с ЛФ Geneg отметим, что родовое понятие иногда появляется уже в толковании данной единицы. В принципе это может привести к удвоению соответствующей информации; такое положение наблюдается при лексеме *обед 1*, толкование которой содержит уже указание на гипероним ("пища У, которая..."), приводимый повторно в качестве Geneg. Подобная ситуация возникает косвенным образом при слове *гнев = S₀ (гневаться)*, причем *гневаться* = "находиться в активно-отрицательном эмоциональном состоянии..." и "эмоциональное состояние" является основным компонентом толкования *чувства II.1a*. Принцип удвоения, однако, не выдерживается последовательно; так, *горбыль 1a* определяется как "вид... досок...", но ЛФ Geneg отсутствует при данной лексеме.

Описанный повтор информации необязательно следует оценивать отрицательно: экономность описания здесь, правда, нарушена, но выигрывает принцип полного охвата лексических функций⁴³. В связи с этим последним требованием, однако, обращает на себя внимание отсутствие ЛФ Geneg при *гневаться*. Ввиду того, что Geneg (гнев) = *чувство II.1a* и *гнев = S₀ (гневаться)*, можно заключить, что Geneg (*гневаться*) = *испытывать чувство II.1a ~ чувствовать II*. Почему ЛФ Geneg здесь представлена только при производном, но не при производящем слове, нам неясно; данный пробел, несомненно, противоречит системному подходу, характерному для этой зоны и для ТКС в целом.

Трактовка родо-видовых отношений в ТКС вызывает еще одно возражение: в составе лексических функций не предусматривается ЛФ для обозначения видовых понятий (гипонимов), иначе говоря: не представлено отношение, противоположное от Geneg. На практике это значит, что напр. под заглавным словом *гнев* находим ссылку на *чувство II.1a*, но под последним отсутствует ссылка на *гнев* или другие виды чувств. Конечно, можно возразить, что перечисление всех возможных видов заданного рода куда сложнее, чем определение родового понятия для заданного вида, но не подлежит сомнению, что и то и другое входит в ведение семантики. К тому же оказывается, что ТКС все-таки содержит кое-какие сведения о видовых понятиях: этой цели служит, с одной стороны, ЛФ Syn_C, обозначающая квазисиноним, значение которого уже значения ключевого слова⁴⁴ - здесь возникает такая же проблема как при отграничении ЛФ Syn₃ и Geneg -, с другой стороны, энциклопедическая зона, которая при надобности тоже информирует о различных видах описываемого объекта⁴⁵. Все это свидетельствует о том, что трактовка родо-родовых отношений в ТКС

оставляет желать лучшего. В первую очередь, видимо, нужна новая ЛФ (назовем ее Ну_{ро}), которая относится к Gen_{er} так, как Syn_с к Syn_з (и, добавим, к Syn_с так, как Gen_{er} к Syn_з); наряду с этим следует выяснить, не целесообразно ли создать возможность расщепления новой ЛФ на Ну_{ро₁}, j, k..., как это предлагалось выше для ЛФ Gen_{er}.

Перейдем к рассмотрению ЛФ Anti. Читателю, познакомившемуся с описанием антонимии в кн. Апресяна (1974), бросается в глаза, что выявленные там три основных типа антонимов в ТКС не различаются. Для того, чтобы дать представление об этих типах, воспользуемся нижеследующими рисунками:

Как видно, определения первых двух типов строятся на критерии отрицания: за Anti₁ скрывается "внутренняя" негация, за Anti₂ - "внешняя". Тип 3 лучше всего иллюстрируется парами вроде *улучшать* / *ухудшать*, поскольку здесь в отличие от Anti₁ и Anti₂ точка симметрии в середине шкалы не имеет значения⁴⁶. В случае Anti₁ можно было бы говорить о противоположности, при Anti₂ - о противоречивости, а при Anti₃ - об обратности; притом, однако, необходимо отдать себе отчет в том, что такое распределение не совсем совпадает с принятым до сих пор употреблением этих терминов⁴⁷.

Таковы, в самых общих чертах, основные типы антонимов по концепции Ю. Д. Апресяна. Чем обусловлен отказ от их различения в ТКС, неясно. Возможно, что авторы ТКС сочли эту дифференциацию избыточной на том основании, что одно ключевое слово не может иметь одновременно различные антонимы, относящиеся, напр., к Anti₁ и Anti₃. Но выделенные Ю. Д. Апресяном типы допускают на самом деле более широкое понимание: такие свойства как полный или частичный охват половины шкалы (ср. рисунки) либо закрепленность на определенном отрезке шкалы или свободная перемещаемость по этой шкале характерны не только для антонимов, но и для соответствующих ключевых слов. Поэтому отражение этих свойств в словаре, будь то прямым образом (посредством включения этой информации в толко-

вание ключевого слова), будь то косвенным образом (путем различения разных типов антонимов), представляется нам необходимым.

Трактовка антонимов в ТКС строго соотносена с трактовкой синонимов: как у последних, здесь различаются точные и неточные представители; внутреннее дифференцирование второй категории производится с помощью символов \supset , \subset и \cap . В отдельных случаях возможно еще более тонкое отграничение различных оттенков значений. Так, в качестве *Anti* от ключевого слова *друг* 1.1 приводится *недруг* и *враг*, но отсутствует указание на то, что эти два выражения между собой не синонимичны, хотя равенство *недруг* = *враг* ставится уже под сомнение в кн. Апресян (1974), с. 312. Предлагаемое там решение - данная пара включается в один ряд с парами типа *невежливый* \neq *грубый* и *неправда* \neq *ложь* - тоже сомнительное: слово *недруг*, в отличие от *неправда* или *невежливый*, скорее всего не является полувзфемизмом, а вообще не содержит никакой порицательной оценки со стороны говорящего. На наш взгляд, более убедительным представляется отнесение слова *недруг* к типу "относительно *Anti*₁", выделенному Апресяном *ibidem*, с. 311. Как бы то ни было, обсуждаемое слово вряд ли совпадает по смыслу со словом *враг*, и поэтому признать его точным антонимом слова *друг* нельзя.

Поскольку антонимия есть отношение симметричное (если X является антонимом Y-а, то и Y является антонимом X-а), следовало бы ожидать, что в словаре полностью отразится эта симметрия. Авторы ТКС поступают в этом отношении иногда непоследовательно. Так, при *надеяться* 1 приводится в качестве значения *Anti* *бояться* 1, при *надеяться* 2а - *бояться* 2а (= *Anti*_C), но при *бояться* соответствующие ссылки на *надеяться* отсутствуют. Противоречивой оказывается трактовка отношения между следующими двумя единицами: под заглавным словом *надежда* выступает в качестве *Anti*₁ *отчаяние*, однако из словарной статьи, посвященной последнему, узнаем, что ему соответствует *Anti*₂ = *надежда*, иными словами: утверждается одновременно наличие смыслового пересечения как и включения. Наконец, при *обещать* 1 ЛФ *Anti* вообще не представлена, хотя надежным кандидатом на этот статус может считаться лексема *угрожать*. Происходит это, видимо, оттого, что именно тот компонент, по которому эти два глагола отличаются, в толковании *обещать* слишком широко сформулирован, ср. уже рассмотренную выше формулировку "У, который сущ. существенно касается Z-а"⁴⁸.

Не входят в число антонимов пары типа *городок* - *городище*, *целых* (5 яблок) - *всего* (5 яблок) или *зачинщик* - *застрельщик*, где противопоставлены не собственно значения, а модальные рамки соот-

ветствующих единиц⁴⁹. Поскольку такая ситуация весьма распространена, любопытно узнать, как с ней справляются авторы ТКС. Здесь следует различать два случая. Для описания тех примеров, где модальную рамку составляет количественная оценка, ТКС располагает лексическими функциями **Dimin** и **Augm**; следовательно, *городок* = **Dimin** (*город*), а *городище* = **Augm** (*город*). Напрашивается мысль о том, не имеем ли мы дело со "склеенными" выражениями ЛФ **Magn**: **Augm** = $C_0 + \text{Magn}(C_0)$, **Dimin** = $C_0 + \text{AntiMagn}(C_0)$? Это, однако, противоречит определению **Magn**, где говорится о высокой степени, интенсивности признака толкуемой единицы: *городище* не есть "очень город" или "интенсивный город", а "(говорящий считает, что X -) большой город" (подробнее о ЛФ **Magn** см. ниже). Таким образом, введение **Dimin** и **Augm** в качестве отдельных простых ЛФ вполне оправдано.

Однако, у пар типа *застрельщик* - *зачинщик*, члены которых различаются по качественной оценке, ситуация осложняется. В принципе ТКС снабжен двумя парами ЛФ для описания подобных случаев, а именно **Bon** - **AntiBon** и **Pos** - **AntiPos**⁵⁰. Отличаются они друг от друга тем, что **Bon** подвергает оценке ситуацию C_0 , **Pos** же - одного из ее актантов, ср. **Bon** (*рецензия*) = *хорошая* и **Pos**₂ (*рецензия*) = *положительная*. Применительно к нашей исходной паре *застрельщик* - *зачинщик*, однако, обе названные пары ЛФ оказываются непригодными: если в качестве ключевого слова C_0 принять нейтральное по оценке выражение *инициатор*⁵¹, *зачинщик* и *застрельщик* можно представить соответственно в виде $C_0 + \text{AntiPos}_1(C_0)$ и $C_0 + \text{Pos}_1(C_0)$, т.е. с помощью конфигураций ЛФ⁵². Тем не менее, напрашивается введение двух новых ЛФ, так как пары с подобным противопоставлением имплицитных оценок встречаются в любом естественном языке весьма часто (особенно характерны они для языка пропаганды⁵³). Можно даже выдвинуть гипотезу, что они представлены гораздо шире, чем значения ЛФ **Pos**, которая, на наш взгляд, вряд ли заслуживает статуса стандартной лексической функции (недаром пример с *рецензией* повторяется во всех известных нам описаниях системы ЛФ)⁵⁴.

В связи с уже упомянутой ЛФ **Magn** на практике наблюдается, к сожалению, колебание между интерпретациями "интенсивный" и "большой". Так, **Magn** (*очередь 3а*) определяется как *большая, огромная*, что вряд ли можно перифразировать как "интенсивная (*очередь*)", даже если учесть, что **Magn** относится к компоненту толкования "множество X-ов" ("интенсивное множество"?). То же самое касается **Magn**[размер] (*окно*) = *большое, огромное*. Еще более примечательным является следующее равенство: **AntiMagn**[размер] (*окно*) = // *окошко, оконце*.

Напомним, что символ "/" означает "склеенное" выражение, соединяющее в себе смыслы аргумента и значения данной ЛФ, ср. Magn (дождь) = // ливень. Спрашивается, однако, невозможно ли альтернативное представление слова *окошко* в виде Dimin (окно)? Если это так, то в плане содержания получается как раз такое тождество, какое мы выше считали неправильным: Dimin (C_0) = AntiMagn (C_0), причем C_0 = окно. Разве ЛФ Augm и Dimin представляют собой лишь "склеенные" варианты ЛФ Magn и Anti Magn, или придется скорее так сузить интерпретацию ЛФ Magn, чтобы она действительно соответствовала первоначальному определению "очень, интенсивно"? На наш взгляд, предпочтителен второй вариант. Как бы мы ни решили этот вопрос, выражения типа *домище*, *окошко* содержат модальную рамку "говорящий считает..." и этим они отличаются от соответствующих выражений с ЛФ Magn типа *большой дом* или *маленькое окно*, где интенсификация относится к ядру значения⁵⁵.

О том, что определение ЛФ Magn нуждается еще в более тщательной разработке, свидетельствует также следующее наблюдение: при аргументе *сосуд* Magn приобретает значение *емкий*. Опять думается, что имеем дело не со смыслом "интенсивный", а просто "большой". Такое понимание позволяет отнести ЛФ Magn к компоненту "изделие, предназначенное для...", входящему в толкование слова *сосуд*. Но эта операция должна, видимо, сопровождаться снятием следующего компонента того же толкования: "небольшого - обычно меньше человеческого тела - размера". Дело не в том, что емкий сосуд может по размеру превзойти человеческое тело, а в том, что смысл "небольшой" должен быть вынесен за пределы сферы действия оператора Magn, поскольку Magn (*небольшой*), т.е. "очень небольшой", это не *большой*, а *маленький, крохотный*.

Закончим наш разбор отдельных лексических функций указанием на то, что состав тех функций, которые обслуживают сочетания с отглагольными существительными, со времени окончания основной работы над ТКС пополнился новым элементом LabReal. Эта ЛФ - она была введена в статье Мельчук (1982) - описывает выполнение требования, о котором говорится в толковании данной единицы. К примеру: LabReal₁₂ (*виселица*) = *вздернуть, // повесить*. Данное новшество с точки зрения системности описания вполне оправдано, так как с помощью LabReal, Fact и Real образуется такая же тройка ЛФ, какая представлена у Labor, Func и Oper (ср. предисловие к ТКС, с. 84-88).

У всех шести названных функций вызывает сомнение высказываемое часто убеждение авторов ТКС о том, будто выступающие при этих ЛФ полувспомогательные глаголы семантически пусты. Применительно к

такому примеру как Орег_1 (слезы) = *лить, проливать* это вряд ли соответствует фактам, ибо *лить* даже в таком употреблении сохраняет свое семантическое сочетаемостное ограничение на второй актант, которым может быть только жидкость; как видно, ключевое слово *слезы* удовлетворяет этому ограничению. Подобный случай представлен в сочетании *чувствовать страх*: *чувствовать II* = Орег_1 (*страх*), но ведь из толкования *чувствовать II* вытекает, что это полнозначный глагол! Немного другой характер имеет ограничение, которому подлечит глагол *окружать* в значении Labog_{12} : он применим к таким аргументам как *забота, попечение, внимание, уважение* или *роскошь*, но не к *зависть, пренебрежение, ревнивость* и т. п., ср.: "Секретарша должна окружать начальство уважением/*ревнивостью". По-видимому, для данного употребления *окружать* необходимо, чтобы эмоциональное отношение, выражаемое ключевым словом, было с точки зрения второго актанта приятно. Это ограничение, разумеется, не "унаследовано" от полнозначной лексики *окружать* ⁵⁶.

Таким образом, положение о семантической пустоте глаголов рассмотренного типа не всегда верно отражает языковую действительность: то ли данный глагол оказывается полнозначным, то ли он накладывается на актанты семантические ограничения. Описание последней ситуации в рамках ТКС будет невозможным до тех пор, пока вспомогательным глаголам типа *окружать* не посвящаются отдельные словарные статьи; нам, однако, неизвестно, предусматривают ли авторы такие статьи.

Со сказанным связано также весьма любопытная эмпирическая проблема более общего характера: при наличии двух или более конкурирующих глаголов типа *питать/испытывать* (*любовь*) ⁵⁷ или *внушать/вселять* (*надежду*), распределение которых нельзя установить с помощью семантических критериев, возникает вопрос, какой вариант из них более продуктивен, т.е. сочетается с неологизмами. В принципе здесь возможны три случая: или допустимы оба варианта, или только один из них, или никакой из них неприемлем. Первый случай не представляет интереса; последний засвидетельствован напр. в жаргонном выражении *ловить кайф*, ср. **питать*/**испытывать*/**получать кайф* ⁵⁸. Особого внимания лексикографа заслуживает второй случай: различная продуктивность двух вариантов должна отразиться в словаре, что вновь влечет за собой необходимость описания подобных глаголов в отдельных словарных статьях. Если же данный глагол непродуктивен, составление исчерпывающего списка всех его аргументов становится неизбежным.

Еще более остро ощущается необходимость словарного описания глаголов - значений ЛФ, когда речь идет о нестандартных лексических функциях. Так, в статье Мельчук (1982), с. 430 рассматривается нестандартная лексическая функция, описывающая фразеологическую связанность глагола *нуждаться* в предложениях типа "Эта статья нуждается в исправлении/доработке/*сохранении/*отправке автору". Автор, однако, не останавливается на том, насколько допустимостью либо недопустимостью подобных случаев предсказуема. Нам представляется, что проявляющееся здесь ограничение имеет семантический характер: данное (переносное) значение глагола *нуждаться* выступает тогда, когда первый актанта - продукт мышления, а второй - мысленная операция, которой подвергается первый актанта. Такой вывод подсказывают кроме приведенных еще следующие варианты: "Этот текст нуждается в уточнении/объяснении/оговорке/дополнении/комментарии" и т. п.

Если данное объяснение верно, то можно вообще усомниться во фразеологическом характере указанных словосочетаний, т.е. поставить под вопрос само их описание посредством нестандартной ЛФ. На описываемом примере видно, что проблема взаимосвязи между ЛФ-описанием и выведением ЛФ-значений в отдельные словарные статьи еще ждет своего окончательного решения.

Обобщая наши наблюдения, можно констатировать, что описание фразеологической связанности значений отдельных ЛФ в настоящем фрагменте ТКС еще может быть улучшено: чтобы достичь исчерпывающего описания членов любого сочетания, необходима либо подача полного списка всех партнеров данного слова, либо указание семантических критериев, характерных для рассматриваемых сочетаний. Прежде всего, однако, такое описание должно осуществляться в обоих направлениях, т.е. не только от аргументов к значениям данной ЛФ, но и наоборот. Из этого вытекает, в частности, необходимость посвящения отдельных словарных статей таким полувспомогательным глаголам как *питать*, *испытывать*, *вселять* или *окружать* ⁵⁹.

Подытоживая наш разбор отдельных зон ТКС, можно заключить следующее:

1. Настоящий фрагмент ТКС не во всех своих компонентах полностью отражает актуальный этап теоретических исследований, достигнутый его создателями. Так, не соответствует современному уровню теории недостаточная дифференцированность толкований: не отмечаются пресуппозиции различных типов и рамка наблюдателя; желательно также более строгое применение критериев, разработанных самими

авторами для различения лексических коннотаций. Известной же актуализации было подвергнуто описание лексических функций: их перечень пополнился новыми единицами, а поскольку этот процесс еще не завершен, предложенные в этой рецензии дополнительные функции (см. наши заметки о парах типа *зачинщик-застрельщик*) в рамках лексикографического подхода, лежащего в основе ТКС, не составляют принципиальной трудности.

2. Более критически следует оценивать степень стандартизации метаязыка, использованного в толкованиях. В частности, в рецензии предлагалось избежать ненужной имплицитности деепричастных оборотов и других синтаксических средств. Кроме того, критике подвергалась непоследовательная трактовка родо-видовых отношений, недостаточное различение отдельных типов антонимии и не совсем убедительное отграничение некоторых других лексических функций, в частности ЛФ Magn. Вообще можно констатировать, что аппарат лексических функций при всей своей описательной мощи все же нуждается в разработке; одни функции следует более четко отграничить, другие скорее разбить на несколько функций (напр. Gener), третьи создать заново, а от четвертых можно эвентуально отказаться (напр. Pos).

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что все предложенные поправки находятся в полном согласии с общими теоретическими положениями, выдвинутыми самими авторами ТКС. На наш взгляд, из этих положений лишь одно требует пересмотра: как показали новейшие исследования по когнитивной семантике, постулат необходимости и достаточности всех компонентов толкования лексических единиц явно вступает в конфликт со структурой обширных областей лексики естественных языков и поэтому должен быть снят в пользу более гибкой формулировки, позволяющей описать в первую очередь типичные черты данного класса объектов. Осуществление этого шага приблизило бы нас к одной из главных целей семантического описания, сформулированной самими авторами ТКС: к отражению "наивной", ненаучной модели мира, которой обладает средний носитель данного языка.

Благодарности

Первая версия этой статьи была прочитана "мельчуковедами" К. Хар-тенштейном и Т. Ройтером. За высказанные ими ценные наблюдения автору хотелось бы выразить свою глубокую признательность. Излишне

подчеркивать, что автор статьи один несет ответственность за все оставшиеся содержательные неточности.

Примечания

- 1 Исключением является статья Fillmore (1975).
- 2 Мельчук (1974), с. 111.
- 3 Самое яркое выражение эта борьба находит в раб. Lakoff (1982).
- 4 Особенно показательны в этом отношении словарные определения в кн. Wierzbicka (1985).
- 5 Разумеется, здесь не имеются в виду такие случаи, где предлог или союз выполняет чисто служебную функцию и соответственно фигурирует в модели управления данной единицы.
- 6 Последнее, кстати, не совсем соответствует фактам, как будет показано ниже при обсуждении лексической функции *Anti*.
- 7 Отметим, что данное ограничение вызвано квазиперформативным характером описываемого значения, т.е. не сводимо к употреблению вводных предложений (о неспособности последних подвергаться отрицанию ср. Апресян (1978, 1983), где разбираются предложения типа "**Осетровые рыбы, не говорят знатоки, утратили свой былой вкус*").
- 8 Такое же расширение значения характерно и для антонима *надеяться* 1. Кроме того, не исключено, что употребительность повелительного наклонения в советах типа "Если тебе больно, иди к врачу" также сводима к подобному переносу интересов: в отличие от просьбы или приказа, где пов. накл. выражает желательность данного действия для говорящего, содержание совета затрагивает в первую очередь интересы слушающего, но через его оформление посредством пов. накл. говорящий дает как будто понять, что выполнение совета соответствует также его собственным желаниям.
- 9 Примеры взяты из статьи Зализняк (1983); там же об употреблении инфинитивов несовершенного вида (см. ниже).
- 10 См. наш краткий обзор этой работы в *Russian Linguistics* 8/1984, с. 203-4.

- 11 Апресян (1974), с. 187.
- 12 Мотивировку такого решения читатель найдет в статье: Иорданская/Мельчук (1980).
- 13 Ввиду условности названия "морфологические сведения", не имеет смысла спорить о том, следует ли отнести род и одушевленность к морфологическим, или к синтаксическим (согласовательным) категориям.
- 14 Подробнее об этом: Зализняк (1967), с. 57-61.
- 15 В связи со сказанным, укажем еще на один незначительный пробел в составе нестандартных лексических функций заглавного слова *часы*: здесь отсутствует ссылка на разговорное, десемантизированное счетное слово *пара* (ср. "3 пары часов"), которое сочетается с данным *plurale tantum*, несмотря на семантическую непарность последнего (см. Зализняк, указ. соч., с. 61, примеч. 46). Поскольку слово *пара* выступает в ТКС в качестве значения ЛФ "единица счета" при заглавном слове *очки*, оно также должно быть внесено совместно со своим эквивалентом *штука* в словарную статью *часы*.
- 16 Из имеющейся литературы на эту тему особого внимания заслуживает раб. Schmidt (1981), где проводится тщательный разбор семантического компонента модели "смысл - текст". Ср. также обстоятельную, хотя не всегда справедливую критику толкований в ТКС и их эмпирическую проверку в кн. Hartenstein (1981).
- 17 В указ. работах толкование *обещать* получается косвенным образом из семантического представления примера "Ваня твердо обещал Пете вечером принять Машу самым теплым образом"; см. Мельчук (1974), с. 303 сл.
- 18 Ср. примечание 6) к упомянутому в предыдущей сноске анализу И. А. Мельчука (1974), с. 304: 'Заинтересован' ≈ 'его существенно касается', а не просто русское *заинтересован* ≈ 'желает'.
- 19 Мельчук (1974), с. 11.
- 20 Данная единица допускает четыре различных интерпретации в зависимости от значений признаков "намеренное действие" и "(не)посредственная причинная связь"; подробнее об этом Schmidt (1981), с. 137 сл. Подобная дискуссия велась уже раньше по поводу мнимого

равенства "to kill = to cause to die", предложенного сторонниками порождающей семантики.

- 21 Иначе, разумеется, обстоит дело, если вместо "испытывать" появляется обозначение соответствующей ЛФ "Ope₁ (чувство II.1a)", но такие ссылки на семантически пустые ЛФ вообще не выступают в собственно толкованиях.
- 22 Обращает на себя внимание, что в отличие от *бояться* в определении *обещать* семантический класс, к которому относится переменная У, не уточняется; можно предположить, что это как у *бояться* событие, так как смысл "действие" слишком узок для данного толкования. Кроме того, приведенные два определения свидетельствуют еще в другом отношении о недостаточной регламентированности описательного языка: действительно ли неизбежно наличие трех квазисинонимических единиц "иметь место", "осуществляться" и "происходить"?
- 23 На первый взгляд создается впечатление, будто формула "событие У, нежелательное для Х-а" представляет собой исключение из этого правила, поскольку атрибут здесь не ведет к ограничению класса однородных У-ов (событие У уже индивидуализировано в силу своего наименования). При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что данная формула понимается все-таки рестриктивно, причем атрибут суживает класс событий вообще, ср. "такое событие, которое нежелательно для Х-а и которое назовем У-ом".
- 24 Приведенная цитата показывает, что выше сформулированный комментарий к употреблению относительных предложений нуждается в одном дополнительном замечании: данный пример референциально двузначен, поскольку часть "которым Х хочет воспользоваться" можно в принципе отнести либо к "расположению", либо к "Х-у". Регламентирование многозначности такого типа потребовало бы, видимо, введения индексов вроде *i, j, k,...* для именных групп. Тогда язык толкований в ТКС приблизился бы к глубинно-синтаксическому представлению модели "смысл - текст", в котором тоже отмечаются кореференциальные связи между отдельными лексемами.
- 25 Шире об этом писал в свое время Růžička (1972).
- 26 Этот подход был более подробно разработан в кн. Weiss (1977), с. 271-352.
- 27 Апресян, указ. соч., с. 329 сл.

- 28 Само явление было уже описано в кн. Апресян (1974) на примере предлога *из-за*.
- 29 См. приведенную выше цитату из раб. Мельчук (1974), с. 72.
- 30 К примеру: в приведенном в Апресян (1980), с. 49 толковании основного значения частицы *только* пресуппозиция и ассертивная часть оформляется одинаково посредством главных предложений, соединяемых между собой союзом "и". К тому же неверно также противоположное заключение: если данный компонент выражен относительным прилагательным или атрибутом, отнюдь не обязательно, что имеем дело с пресуппозицией.
- 31 Особенно резкой критике подвергнут был этот критерий в кн. Bogusławski (1977).
- 32 См. еще Апресян (1983), с. 322.
- 33 На самом деле и эта формулировка нуждается в уточнении: должны исключиться случаи с контрастной ремой типа "Я ему не обещал, а скорее пригрозил, что приду", так как здесь отрицается компонент, который в "нормальных" условиях ведет себя неассертивно ("Z заинтересован в событии X"). Такая контрастная рематизация допускает даже отрицание таких лексических единиц, которые в нормальных утверждениях не могут выходить в сферу действия негации, ср. "Он опоздал не опять, а впервые" при невозможности "*Он не опять опоздал".
- 34 Апресян (1980), с. 49. К сожалению, мы еще не успели познакомиться с разбором значения *только*, предлагаемым в кн. Богуславский (1985), с. 83-120.
- 35 Точнее: обозначения существ, ибо данная формулировка не исключает животных, ср. такие вопросы как: "Кто тебя укусил (комар или пчела)?" Подробнее об этом: Исаченко (1975), с. 488.
- 36 Служебным характером этих данных объясняется, видимо, и то, что они не всегда достаточно точно сформулированы. Так, в МУ при главном слове *стрелять*¹ второй семантический актанта обозначается следующим образом: "2 = У [с целью поразить что]", но из последующих ограничений к модели управления узнаем, что У может быть существом, если он оформляется существительным в дат. падеже. Следовательно, процитированное объяснение придется переформулировать таким образом: "2 = У [с целью поразить что или кого]".

- 37 О том, что действительно толкование слова *виселица* должно базироваться на толковании *вешать*, а не наоборот, свидетельствует тот факт, что людей можно вешать и на деревьях, столбах, на оконном переплете и т. п.
- 38 Отметим, однако, что под заглавным словом *сосуд* отсутствует указание на другие виды вместилищ. Кстати говоря, даже тот критерий, который в предисловий ТКС приводится, не совсем соответствует фактам: на самом деле здесь нужен не C_0 , а его синтаксический дериват (напр. относительное прилагательное); ср. точное определение "Genet (C_0) $\xrightarrow{2}$ δ (C_0)", сформулированное в раб. Мельчук (1974), с. 84.
- 39 На это указывает и отсутствие соответствующих ссылок под толкованием обеда 3, тогда как при лексеме *обед 1* (пища) имеются ссылки на все три остальных обозначения еды.
- 40 Все это следует косвенным образом из словарной статьи *доска 1*, где в качестве Syn_C (т.е. квазисинонима, значение которого уже, чем значение ключевого слова) выступают: *горбыль; тес, спец. дилены*". В ТКС также представлено слово *горбыль 1а*, которое определяется как "вид досок", но к сожалению здесь отсутствуют указания на ЛФ Genet или Syn.
- 41 Это тем более примечательно, что всем остальным семантическим отношениям (синонимии, антонимии, полисемии) посвящены особые главы.
- 42 Пример из кн. Wierzbicka (1985); там же о различных типах естественных категорий (см. ниже).
- 43 Напомним, однако, что авторы обычно избегают подобного удвоения в случае ограничений, накладываемых на семантические актанты (ср. выше).
- 44 Ср. сноску 40.
- 45 Для иллюстрации укажем на словарную статью *пиломатериалы*, где энциклопедические данные даже сопровождаются рисунками основных видов.
- 46 Иначе обстоит дело с выражениями типа *большой/маленький* или *высокий/низкий*, которые по известному анализу Сэпира сводимы к более элементарным компаративам *больше/меньше* (напр. *низкий* = имеющий высоту *меньше нормы*) и тем самым предполагают сущест-

ование точки или отрезка отнесения на шкале; этот отрезок определяется нормой данного параметра для данного класса предметов.

47 Подробнее об этом: Апресян (1974), с. 286-288.

48 Примечательно, что французские соответствия русск. *обещать / обещание*, а именно *promettre / promesse* трактуются в этом отношении по-разному: толкование, данное в раб. Мельчук (1981, 1984 а) для *promesse*, отличается от толкования *promettre* именно компонентом "est souhaitable à Z" (вместо "У concerne Z"); в полном соответствии с этим здесь имеется ссылка на $\text{Anti}_{\cap} = \text{menace}$, между тем как у *promettre* ЛФ Anti отсутствует.

49 См. Апресян (1974), с. 300-301.

50 В отличие от ЛФ *Augm* и *Dimin*, на этот раз действительно имеет место отношение антонимии; отсюда и названия *Anti Bon* и *Anti Pos*.

51 Для наших соображений подбор подходящего ключевого слова не существенен, поэтому оставим в стороне других возможных кандидатов, как *начинатель* или *вожак*.

52 На самом деле и это описание не является исчерпывающим: как пишет Апресян, *зачинщик X-а* значит "инициатор X-а; говорящий отрицательно оценивает X или субъекта X-а" (выделение наше). Поскольку предложенная нами конфигурация ЛФ передает лишь смысл первой из процитированных альтернатив, следует добавить еще одну ЛФ для передачи оценки субъекта X-а. При наличествующем до сих пор наборе лексических функций мы теперь вынуждены заменить ключевое слово: так, *застрельщик* = Pos_1 (*инициатива*), *зачинщик* = AntiPos_1 (*инициатива*). Разумеется само собой, что такая замена вряд ли желательна. Вместо того, чтобы представить слова типа *застрельщик* как значение двух отдельных ЛФ с двумя различными аргументами, предлагаем поэтому создать новую ЛФ, охватывающую полный смысл данных слов и соотносящую их с соответствующим нейтральным ключевым словом (в данном случае со словом *инициатор*).

53 Ср. раздел "Semantyka propagandy" в кн. Wierzbicka (1969), с. 43-46. Наряду с указанными там польскими примерами можно в качестве русских представителей искомой ЛФ привести такие выражения как *главарь* (осуждается не столько само лицо, сколько возглавляемое им движение) или *вожак* (порицается скорее цель путешествия) при нейтральных соответствиях *руководитель* и *визит*. Любопытно следующее наблюдение: в языке прессы встречаются видимо случаи, где противопоставлены члены с имплицитной отрицательной и положи-

тельной оценками, нейтральный же термин отсутствует. Сюда относятся *визитер* (отр.) и *посланец дружбы/мира* (выражение *гость* хотя и лишено модальной рамки, но по значению шире).

- 54 Для справедливости укажем еще на один пример из ТКС: Pos₂ (*опыт*) = *удачный*.
- 55 Ср. Апресян (1974), с. 300 сл. К тому же сочетания с прилагательными не обладают экспрессивными оттенками, характерными для ЛФ Dimin и Augm.
- 56 Зато при полувспомогательном употреблении этого глагола снимается другое ограничение, характерное для полнозначного глагола: третий актанта, оформленный творительным падежом, должен обозначать множество объектов или существ, ср. невозможность таких предложений как: "**Враг окружает нас одним танком*".
- 57 Данные два глагола в видовом отношении не равносильны, так как только один из них допускает перфективизацию (испытывать/испытать); об этом см. Мельчук (1974), с. 202.
- 58 Здесь можно, конечно, возразить, что *ловить кайф* и *питать (любовь и т. п.)* относятся к различным функциональным разновидностям русского языка и поэтому вообще не должны быть сопоставлены. В принципе, однако, не исключено, что *кайф* когда-нибудь приобретет официальное признание как выражение литературного языка, и тогда наш вопрос окажется осмысленным.
- 59 Этот шаг тем более желателен, что одна лексема может обслуживать одновременно две различных ЛФ. Так обстоит дело напр. с глаголом *пользоваться*, ср. "*пользоваться огромной властью*" (Oreg₁ (власть)) и "*пользоваться властью, чтобы...*" (Real₁ (власть)).

Л и т е р а т у р а

- Апресян, Ю.Д., Лексическая семантика. Москва 1974.
- Апресян, Ю.Д., Языковая аномалия и логическое противоречие. В кн.: Tekst - Język - Poetyka, pod. red. M.R. Maýenowej, Wrocław 1978, 129-151.
- Апресян, Ю.Д., Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл - Текст". Wien 1980.
- Апресян, Ю.Д., О структуре значений языковых единиц. В кн.: Tekst i zdanie, pod. red. T. Dobrzyñskiej i E. Janus. Wrocław 1983.
- Богуславский, И.М. Исследования по синтаксической семантике. Москва 1985.
- Иорданская, Л.Н., Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 13, Москва 1970.
- Иорданская, Л.Н./Мельчук, И.А., Коннотация в лингвистической семантике. Wiener Slawistischer Almanach 6/1980, 191-210.
- Зализняк, А.А., Русское именное словоизменение. Москва 1967.
- Зализняк, А.А., Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Москва 1977.
- Зализняк, А. А., Семантика глагола бояться в русском языке. Известия АН СССР, Серия литературы и языка 42/1983, 59-66.
- Котелова, Н.Э., Значение слова и его сочетаемость. Ленинград 1975.
- Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка. Москва 1970-1976. (Предварительные публикации ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР, вып. 2,4,7,14-17,23,26,28,29,34-38,42,62,63,80,85,86).
- Мельчук, И.А., Опыт теорий лингвистических моделей "Смысл - Текст". Семантика, синтаксис. Москва 1974.
- Падучева, Е.В., Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва 1985.
- Bogusławski, A., Problems of the Thematic-rhematic Structure of Sentences. Warszawa 1977.
- Fillmore, Ch., An Alternative to Checklist Theories of Meaning. In: Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society, 1975, 123-131.
- Fillmore, Ch., Topics in Lexical Semantics. In: Current Issues in Linguistic Theory. Ed. R. Cole, Bloomington 1977, 76-138.

- Garner, R., "Presupposition" in Philosophy and Linguistics. In: Studies in Linguistic Semantics, ed. Ch. Fillmore, New York 1971.
- Hajičová, E., Presupposition and Allegation Revisited. Journal of Pragmatics 8/1984, 155-167.
- Hartenstein, K., Das Erklärend-kombinatorische Wörterbuch im 'smysl - tekst' - Modell. München 1981.
- Isačenko, A.V., Die russische Sprache der Gegenwart. Formenlehre. München 1958.
- Lakoff, G., Categories and Cognitive Models. Trier 1982.
- Mel'čuk, I.A., Lexical Functions in Lexicographic Description. In: Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society, Berkeley 1982, 427-444.
- Mel'čuk, I.A., Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I. Montréal 1984.
- Mel'čuk, I.A./Iordanskaja, L.N./Arbatchewsky-Jumarie, N., Un nouveau type de dictionnaire: le Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain (six entrées de dictionnaire). Cahiers de lexicologie 38/1981, 3-34.
- Růžicka, R., Integration slavischer und nichtslavischer Sprachen an der syntaktischen Peripherie. In: Linguistische Arbeitsberichte 6/1972.
- Schmidt, P., Lexical Semantics in the 'Meaning - Text' Approach. Russian Linguistics 6/1981, 121-149.
- Weiss, D., Syntax und Semantik polnischer Partizipialkonstruktionen im Rahmen einer generativ-transformationellen Sprachbeschreibung. Bern-Frankfurt 1977.
- Wierzbicka, A., Dociekania semantyczne. Wrocław-Warszawa 1969.
- Wierzbicka, A., Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor 1985.